

Поэт о поэзии

Современная поэзия с каждым днём и каждым автором всё меньше похожа на улицу с регулируемым движением, она прекрасно научилась обманывать ожидания. Если честно, как раз ожиданий она и не терпит. Да и путь её к читателю тоже не вымощен дорогой из жёлтого кирпича. И, наконец, поэты – странное человечество, шифрующее и расшифровывающее, причём одновременно, и бросающее в воду послания в бутылках зелёного стекла. Городу и миру? Всем и никому. Так вернее. То есть честнее.

И если поэзия – это чёртёвы омуты в общем течении речи, а поэты – штатные переводчики ангелов, есть ли хоть какая-то возможность не распознать большого и отчаянного поэта в неспешно и неуклюже бредущем по городу гражданине всех лет – имея в виду возраст и человека, и человечество?

Игорь Гончаров давно не нуждается в представлении, хотя в последнее время мы чаще слышим о нём в связи с его фильмами. Пожалуй, это

В общем течении речи...

Справка «ММ»

Игорь Гончаров родился 22 июля 1971 года в Калининграде. В 1975 с семьёй переехал в Магнитогорск. После школы поступил в МГМИ, окончив который в 1993 году, уехал работать конструктором перспективных моделей на Волжский автомобильный завод в Тольятти.

Автор пяти книг стихов, повестей и рассказов – «Заповедная цитадель» (2002), «Турпе» (2006), «Поэзия третьего темпа» (2008), «Палеонастоящее» (2010), «Нюансы» (2019). В 2013 году снял художественно-документальный фильм «Вариации на тему пустоты, или Дело № 4917» о Борисе Ручьёве. Член Союза российских писателей.

и есть главный обоюдный ключ к его творчеству. В кино он пришёл из поэзии, но раньше кино пришло в его стихи, определив в них главное, – пространство и время. И вот любопытные и настойчивые опыты поэта и привели к изобретению большой метафоры и одноимённой – пятой по счёту – книги стихотворений «Палеонастоящее».

Палеонастоящее – это прошлое-

настоящее, ибо странничества поэта не похожи на постмодернистские фокусы с машиной времени с целью изменить историю. Автором движет личный интерес к истории, к её самым вдохновляющим персонажам, и не только к царям-диктаторам, философам-идеологам, гениям-злодеям, но и к безымянным героям, к жителям исчезнувших и реконструируемых цивилизаций,

живущим поразительно схожим бытийным образом с нашими современниками. А внутри палеонастоящей метафоры регулярно срабатывают две реальности, рождающие третью – текстовую. Этим стихам свойственна тотальная лирическая повествовательность, неспешное развёртывание, нежесткое сцепление звеньев, творящие авторский эпос...

Есть в этой «прелести безысходности» ещё одна генетическая странственность, можно даже сказать, техническая особенность. Дело в том, что Гончаров и по образованию, и по роду деятельности в удаляющемся прошлом технарь. А вы попробуйте хотя бы мысленно соединить прелесть безысходности и обработку металлов давлением. Для начала сформулировать техзадание. И в конце концов поверить, будто всё ещё возможно некое руководство по честнописанию в давно отменённом противостоянии физиков и лириков. И тогда станет возможной точная – отточенная – поэзия, возвращаемая на странных дрожжах, с исправно работающей механикой метафоры и прогнозируемой мощностью метафорического взрыва. Поэтому Гончарову даются, например, сонеты – формально именно сонетами написана книга «Палеонастоящее» – или вообще любые жёсткие формы. И даже если формы эти не каноничны, а изобретены собственноручно, как тот самый велосипед, такая новопечённая строготочность обладает всеми признаками старшей поэзии. И всей её правдой. И всеми её заблуждениями.

Наталья Карпичева,
член Союза российских писателей

Поэзия

Игорь Гончаров

«Так мало в жизни сделано...»

*Папиросы кончаются,
как папирус,
На вынос,
будь то Иваново или Гиза.
Посольство тянуло с визой,
когда я вылез
На матовый вырез
Сталинского карниза.*

*Оставалось минуты три,
если делить на части
Мебель, детей, заветы,
не говоря – аллею,
Что, млея левее,
уговорила счастье
Двинуть к Синаю,
покачиваясь и алея.*

*Всего три минуты,
и, наконец, пустые
Бутылки из-под портвейна,
пакетик «Липтон»
И последняя мысль,
как дико Господь в пустыне
Вёл себя под Египтом.*

Тяга к прекрасному

*Человека тянет к прекрасному,
к музыке, и когда
Она поднимет над столиком,
окружённым
Океаном, мулатками,
деятелем суда,
Кем служил до отъезда –
было бы хорошо бы
Вглядеться в нутро –
в его плоховооружённом
Панцире, в колечко на пальце
или кусочек льда.*

*И в тот самый момент,
когда молодой гарсон
Предложит налить шампанское,
отрывая
От наблюдений, ты увидишь –
лёгок и вознесён,
На месте лобстера,
мидий и солнышка на Гавайях –
Сослуживца, выпотрошенного
за сараем,
Со всем набором
человеческих хромосом.*

*И какая-то дрянь в голове
прыгает в этом всё
Под Альбинони... ужина
не прерывая.*

Женщина и земледель

*Что правит лодкой времени?
Весло.
Вода и время сходятся где нужно.
Вот берег, лес,
вот с речки принесло
Охотника. Он сел
и ковыряет равнодушно
В песке – позднее земледельцем
плужным
Мы назовём такое ремесло.*

*То был лентяй, и,
часто не согласный
С вождынями племени,
он ковырял в носу.
Но с этих пор
в глазах его не гаснет
Искра мечтаний.
В глиняном тазу,
Роняя тяжелейшую слезу,
Жена его взбивает тесто.
«Счастье...» –*

*Обмолвится она.
Но ей не хватит гласных
Закончить... только шёпот –
унесу.*

Майский полураспад

*Сразу за школой
свалена арматура.
Здесь можно привстать с колен
и, отряхнув берет,
Найти свой портфель.
Видно, как штукатуры
Школьный фасад.
Воздух уже прогрет,
И учитель физики
с пачкою сигарет
Лучше учителя физкультуры.*

*Составлены транспаранты.
С некоторых из них
Поглядывают вожди,
хмурясь из-за акации,
На тело колонны.
В центре следы возни,
Но, добравшись до физика,
спросишь о радиации,
На что он ответит:
– Ну, научиться драться
Можно без фанатизма
или резни,*

*Как радиация или время,
которое упряднит
Даже эти вот демонстрации.*

Рука души

*Во чреве ведь непонятно,
какие звуки
Идут от царя, крестьянок,
а где слова
В нас затекают по акведукам
Европейской науки.
Вбираешь их, как Нева,
Не зная, родиться ль тебе
нормальным
или сперва
Дознаться – а правда ли,
леворука*

*При жизни душа.
Ну и под Тулой где-то
Явишься миру,
как велено батраку.
А там тебе наковальня,
оправы для амулетов,
Да мало ль чего
не выпадет на веку.
И Платов-казак,
прося подковать блоху,
Обратится к тебе
как к тонкому человеку.*

*И будучи тонким,
так ты и сгинешь – калека
Со словами: как чую, так и смогу.*

Выветривание

*Солнце палит.
На пути из Йемена в Мекку
Взгляд пророка
по-южному мутноват.
Трудно вести караван, любимая,
из шестого века
Сюда в двадцать первый.
Каюсь, был виноват,
Когда, схоронив тебя,
учинил разврат,
Позволив четыре женщины
на человека.*

*В пустыне идти удобнее
с четырьмя.
Теряя любовь,
находишь в песчаных склонах
Россыпи истины,
которые тут хранят
Не столько в груди,
сколько в вещем слове...
Слово моё!
Так насколько ты благосклонно
К тому, что рождало тебя?
В которых ещё края*

*От тебя не останется большего,
окромя –
Молилась ли ты на ночь
Дездемона?*

Предел любви

*Пусто в комнате,
сказки не просят пить,
Там между строк
и так океан воды.
Но чтобы любить всем сердцем,
чтобы любить,
Как никому не скажем ни я,
ни ты,
Надо стать точкой,
градусом теплоты
И больше не помнить,
что значит – быть.*

*Уходящего вдаль,
если он шёл один,
Не остановишь криком,
сколько ни окликай.
В поисках близких,
чем более наследил,
Тем вероятней,
что прибыл издалека.
Но если ты шёл по буквам,
по коим Кай
Налегке из города уходил,*

*Надо стать Гердой,
маленькой среди льдин,
Чтобы сквозь слёзы вырвалось –
привыкай.*

Торговый путь через Мекку

*Храните спокойствие.
Вон там верблюду
Мусолит колючку –
чтобы не заблудиться
В скверных речах,
с которыми здесь не живут,
Но терпят ещё.. и,
попахивающий корицей,
Инду, занырявая
в византийских ситцах,
Всплывает в рабах из Африки.
То там, то тут*

*Беженцы с севера.
Один перекачивает печенье,
Как Тору, во рту –
похоже, аристократ,
Расшифровавший
тайное изречение.
Ну что – караван составлен.
Саид, вероятно, рад
Сознать этот сброд
в настоящей ад,
Но, не будучи здесь аллахом,
ибо он кочевник,*

*Направляет его в пустыню,
а она ничем не
Уступает тому человеку,
кто был ей нанят.*

Любовь как империя

*Когда всё рухнет
и ты скажешь – ах,
Уверовав, что в тридевятом
царстве,
Общаясь на различных языках,
Мы находили свет и счастье,
Часы на башне
будут беспристрастно
Идти в веках.*

*Мы не умрём.
И не сожжём мосты,
Но варвары,
врываясь в город первыми,
Сожгут в нас атмосферу
теплоты,
И замки встанут
с распорыренными перьями
орлов. А варвары, наверное,
Ещё сведут нас –
тихих понярых,*

*Чтобы понять,
какой была латынь
В расцвет империи.*

Отпуск в деревне

*Так мало в жизни сделано,
что глаз
В кубанских винах
с силою нечистой
Не борется, найдя взаимосвязь
Меж космосом
и темнотой российской.
Орут коты,
гуляют трактористы,
И спутник удаляется от нас,*

*Как след мечты.
В селе непопулярны
Шекспир, приезжие,
но вечен интерес
К скотине, птице,
здесь девчонок парни
Традиционно тащат под навес...
Так мало в жизни сделано,
что бес
Мигнёт и мне,
и барышня, пленённая Полярной,*

*Смахнув солону, скажет –
Благодарна
За чистоту сентябрьских небес.*